

РАЗСУЖДЕНИЕ
о
Началѣ и Основаніи
НЕРАВЕНСТВА

между
ЛЮДЬМИ,
СОЧИНЕННОЕ
Ж. Ж. РУССО.
перевелъ
ПАВЕЛЪ ПОТВМКИНЪ.

Non in depravatis, sed in his, quae bene secundum naturam se habent, considerandum est, quid sit naturale. ARISTOT. о пол. К. 2.

Изданіе Второе

изд. Губ. Мѣст. Муравьева

ВЪ МОСКВѢ

ВЪ Университетской Типографіи
у Н. Новикова 1782. года

СІЯТЕЛЬНІЙШІЙ ГРАФЬ ;

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ !

Я имѣю честь приписать Вашему Сіятельству переподѣ Разсужденія о Неравенствѣ Между Людьми. Признаюсь, что такое приношеніе мало въ разсужденіи Васѣ; но пѣдаю я то, что спойство пеликихъ душъ, есть разсматривать чистосердечіе, а не пажность приношеній, и что псякая жертва для нихъ пріятна: а какъ я не имѣю средства лучшаго принести мою благодарность за благополеніе Вашего Сіятельства о пѣрпомѣ моемъ переподѣ, то, чтобы чупствопанія оной не остались безъ заспидѣтельствопанія, предпріялъ

я пѣ знахъ того признанія, которымъ я памѣ обязанъ, поспятить книгу сію Вашему Сіятельству.

Сочинитель сего разсужденія слапится тѣмъ, что родился онъ пѣ такой странѣ, пѣ которой можетъ споводно обвѣплять мнѣнія спои: когда бы онъ могъ предусмотрѣть сіе цпѣтущее состояніе Россіи, пѣ которомъ мы нынѣ подѣ благослопенною державою Премудрой нашей МОНАРХИНИ находимся, то безѣ сомнѣнія остацилъ бы онъ спои похвалы.

Бы-

Была такия премена въ
Россіи, въ которая гордость
была предметомъ людей занимаю-
щихъ высокія степени, въ кото-
рыя управляющіе стараясь удер-
жать въ наипящемъ поравоше-
ніи прочихъ, не допускали не
только топорить о какихъ либо
обстоятельствахъ, но и запре-
щалось упоминать о истинныхъ
мнѣніяхъ. Сіи премена съ мрач-
ностію тѣхъ грувыхъ пѣкопъ про-
текли, а цѣлующее состояніе,
нынѣ познесенное на толь высо-
кую степень Россіи, доказыва-
етъ, что не принужденіе, но до-
вродѣтель умножаетъ усердіе къ

Монархамъ истинную преданность ко общей пользѣ, и пѣнчаетъ всякое благосостояніе народное.

Благополучны мы по истиннѣ, что рождены пѣ такой цѣхѣ, пѣ которой проспѣщеніе влищаетъ пѣ совершенной споей слащѣ, пѣ которой добродѣтель безпримѣстная прощѣтаетъ, распространяется и торжествуетъ, и пѣ которой благополеніемъ нашей МОНАРХИИ, пѣхѣ Споей везсмертною слащю упѣнчапающія, каждой сынъ благополучной нашей страны пользуется, и щедротами ея наслаждается,

Сіе излипающеся блаженство на часть толь знатную челоуѣческаго рода, служить ко славу Вашего Сіятельства. Вы исполняя знаменитые труды свои въ доуѣренныхъ Вамъ дѣлахъ, споспѣшествуете намѣреніямъ премудрой нашей Государыни. Слава, съ какою Вы все то исполняете и добродѣтельныя Вашей души спойства, обязываютъ насъ чуждому, колико мы Вами одолжены: ибо должность есть каждаго сына отечества имѣть признаніе къ пекущимся толь знаменито о пользѣ общества.

Зі благо прїимите, Милостивый Государь, сіе мое приношеніе, какъ знакъ того признанія, которое меня принуждаетъ прослапять Ваши добродѣтели, и наполняетъ сердце мое тою искренностію и глубочайшимъ почтеніемъ, съ какимъ я имѣю честь быть,

СІАТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ,
МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ!
ВАШЕГО СІАТЕЛЬСТВА

покорный слуга
ПАВЕЛЪ ПОТЕМКИНЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Самое полезное и меньше
всѣхъ извѣстное изъ человѣче-
скихъ знаній, кажется мнѣ, есть
о человѣкѣ; (1) и я осмѣляюсь ска-
зать, что единая надпись храма
Делфійскаго содержала въ себѣ на-
ставленіе гораздо нужнѣйшее и
гораздо труднѣйшее всѣхъ вели-
кихъ правоучительныхъ книгъ. И
такъ, я почитаю содержаніе сего
разсужденія, за одинъ изъ самыхъ
нужныхъ вопросовъ, какіе филосо-
фія можетъ предлагать, и по не-
щастію для насъ, за одинъ изъ
самыхъ труднѣйшихъ, которые
Философъ рѣшить можетъ: ибо,
какъ можно познать источникъ
неравенства между человѣковъ,
если не начнешь познаніемъ
ихъ самихъ? И какъ человѣкъ
дойдетъ совершенно до того,
чтобъ могъ видѣть себя такимъ,
какъ природа его устроила, сквозь
всѣ перемѣны, которыя многое
продолженіе временъ и вещей
дол-

долженствовали произвести въ его начальномъ состояніи , и различить то , что имѣетъ отъ собственнаго своего основанія , съ тѣмъ , что обспоятельствва и приращенія его пріобщили отъ себя къ первобытному его состоянію , или въ немъ перемѣнили ? Подобно спашуъ Глаукуса , которую время , море и бури столько обезобразили , что уже она больше представляла лютаго звѣря , нежели Бога. Душа человѣческая , измѣнившаяся посреди общества чрезъ тысящу разныхъ причинъ , непрестанно возражающихся , чрезъ пріобрѣтеніе знаній и заблужденій , чрезъ премѣны произшедшія въ сложеніи тѣла , и чрезъ непрестанное сраженіе страстей , преобразила , такъ сказать , видъ свой , даже до того , что почти стала непознаваема ; и вмѣсто существа дѣйствующаго всегда по извѣстнымъ и непремѣннымъ основаніямъ , вмѣсто сея небесныя

и величественныя простоты, которую Творецъ въ нея впечатлѣлъ, находится въ ней только безобразное противоположеніе страсти, которая о себѣ мнитъ, будто она разсуждаетъ, и разума, который безумствуетъ.

Всего мучительнѣе есть то, что какъ всѣ приращенія рода человѣческаго, ослѣпляютъ его непрестанно отъ его первобытнаго состоянія: по чѣмъ болѣе мы накапливаемъ новыхъ знаній, тѣмъ паче отбемлемъ средства къ приобращенію одного самонужнѣйшаго изъ всѣхъ, и въ нѣкоторомъ смыслѣ, чрезъ излишнее ученіе о человѣкѣ, привели мы себя въ несостояніе познать его.

Легко видѣть можно, что въ сихъ то со временемъ происходящихъ перемѣнахъ человѣческаго составленія, надлежало искать перваго начала разностей, которыя различаютъ людей, и которыя по общему признанію суть еше-

естественно столько равны между собою, какъ были скоты всякаго рода, прежде нежели разные Физическія причины ввели въ нѣкоторыя изъ нихъ тѣ различности, кои мы и примѣчаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, непонятно то, чтобы первыя перемѣны, чрезъ какое средство они ни произошли, могли измѣнить вдругъ и одинакимъ образомъ всякаго порождѣнія во всемъ родѣ; но между тѣмъ, какъ одни приходили въ совершенство или испортились, и получили разные качества добрыя или худыя, которыя не заключились въ ихъ природѣ, другія остались долѣе въ начальномъ своемъ состояніи: и таковой то былъ между людьми первый источникъ неравенства, которое легче можно доказать такимъ образомъ вообще, нежели означить съ точностію подлинныя тому причины.

И такъ, да не воображаютъ мои читатели того, чтобы я дерзнулъ

знулъ себя льспить, якобы я то видѣлъ, что мнѣ кажется столь трудно видѣть. Я началъ нѣкоторыя разсужденія, отважился представишь нѣкоторыя припомѣ догадки, не столь во упованіи рѣшивъ вопросъ, какъ въ намѣреніи изъяснить оный, и довести его къ настоящему его состоянію. Другіе могутъ свободнѣе пройши далѣе по тому же пути, хотя не безъ труда всякому достигъ до самаго предѣла можно. Ибо, не легко сіе предпріятіе, чтобъ разобранъ, что есть первобытное, и что искусствомъ введенное въ нынѣшней природѣ человѣческой, и узнать точно состояніе, которое уже не существуетъ, которое можетъ быть никогда не существовало, и уповашельно не будетъ и во вѣки существовать; однакожъ о которомъ нужно имѣть истинное понятіе, дабы мы могли чрезъ то прямо судить о состояніи, въ коемъ находимся нынѣ.

нынѣ. Надлежало бы при томъ имѣть гораздо болѣе Философіи, нежели мнѣ, тому, кто предприметъ точно опредѣлить шѣ предосторожности, которыя принять должно; дабы о семъ учинить основательныя примѣчанія, и достаточное рѣшеніе слѣдующей проблемы, кажется мнѣ не недостойно *Аристотелей* и *Плинія* нашего вѣка: *Какіе опыты нужны хъ достиженію того, чтобъ познать челоука пѣ его природѣ, и какія суть средства для исполненія сихъ опытовъ пѣ нѣдрахъ общества?* Отнюдѣ не предпринимая рѣшить сію проблему, кажется мнѣ однако, что я сколько довольно о семъ дѣлѣ размышляя, дабы могъ ужѣ осмѣливаться напередѣ отвѣщать за то, что управленіе сихъ опытовъ достойно самыхъ величайшихъ Философовъ, а произведеніе ихъ въ дѣйство не ниже достоинства Государей, каковаго спе-

стеченія ожидать почти несходно съ разумомъ, особливожь при продолженіи, или лучше сказать, при возслѣдованіи, просвѣщенія и благоволенія, потребнаго съ обѣихъ сторонъ къ достиженію желаннаго успѣха.

Сіи изысканія толь трудныя во исполненіи, и о копорыхъ донныѣ пакъ мало помышляли, суть однако единыя средства, оставшіяся намъ для отвращенія множества тѣхъ затрудненій, кои скрываютъ отъ насъ подлинное свѣдѣніе объ основаніяхъ человѣческаго общества. Сіе то невѣжество природы человѣческой производитъ столько неизвѣстности и темноты въ разсужденіи истиннаго опредѣленія права естественнаго: ибо понятіе о правѣ, говоритъ Г. Бурламахи, и еще болѣе о правѣ естественномъ, явнымъ образомъ суть понятія, относящіяся къ человѣческой природѣ: и такъ, изъ сей то самой приро-

Б

ды